

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

Приходилось надеяться на естественное течение беседы и на свою давнюю любовь к творчеству этой актрисы, каждая работа которой дарит истинное зрительское наслаждение и надолго отпечатывается в памяти. Уникальность актерской индивидуальности Лии Ахеджаковой позволяет ей балансировать на грани трагифарса и абсолютной жизненной достоверности. Поиск полутонов, зыбких намеков, импрессионистических бликов чужд ее темпераменту, пожалуй, он был бы для нее скучен и утомителен. Ей ближе жесткий и энергичный рисунок, ближе жесткая и ерническая графика немецких экспрессионистов, допустим Георга Гросса. Именно в этих стилистических пределах сыграна Лией Ахеджаковой и новая большая роль — роль Фимы в страшноватом, грустном и мудром фильме Эльдара Рязанова «Небеса обетованные», роль бывшей художницы, которая решила не сдаваться перед жизненными трудностями и стала нищенствовать, обретя на новом поприще виртуозность и шик истинного мастера своего дела, не утратив при этом ни творческой фантазии, ни женского шарма.

— Лия, вас не пугает, что с тех пор, как начал сниматься и вышел фильм «Небеса обетованные», нищих стало больше?

— Да-аа... Но в Фиме главное не то, что она нищая, а ее природа аристократка, которая согласна обходиться без всего, без всех этих материальных благ, только бы оставаться независимой.

— Имея определенный опыт нищенствования, узнаете ли вы на улицах, кто профессионал, а кто действительно бедствует?

— Иногда да. Но я стараюсь об этом не думать. Просит — значит надо дать. Нечего давать — не давай. Я свято верю, что рука дающего не оскудеет.

— Есть мнение, с которым я готов согласиться, что характерный актер способен сыграть любую роль, так ли это?

— Нет, это неправда. Чаще всего мало кто из характерных актеров (будем говорить о хороших) может переступить грань своего амплуа и перейти к трагедии, настоящей драме. Характерный актер — это не тяжелая работа.

— Ну вы же характерная актриса?

— Не знаю, не уверена.

— Амплуа трагедии вы давно переросли...

— Я надеюсь, что трагедии давно переросла, но боюсь, что какие-то метастазы остались. Голос, допустим. Какие-то замашки остались.

— Играя часто комедийные роли, ощущаете ли вы, что надо набрать побольше драматических, чтобы был какой-то творческий противовес?

— У меня сейчас происходит все наоборот. У меня много драматических ролей, а я не знаю, надо ли мне это по моей природе. Я как бы специалист по слезам. Эти роли иссушают. Потом я не сплю, мне тяжело побороть в себе это тяжелое состояние. Иногда бывает легко, но редко. Поэтому комедийные роли для меня спасение, радость.

— То есть рамки амплуа не рождают у вас комплексов? Или амплуа не существует?

— Думаю, что существует. Когда я занималась в театре «Современник», то говорила Галине Борисовне Волчек: «Мне очень хочется к вам в театр, у вас нет амплуа». А она отвечала: «Не скажи...». И правда, можно переступить через него, но оно есть. Если я работаю с Романом Виктюком, то для него вне амплуа, он мой друг. В своей постановке он всегда мне найдет роль, как бы она ни казалась чуждой. Но если режиссер не до такой степени любит меня как актрису, он, конечно, возьмет ту, которая годится по своему амплуа. Дать мне Варвару в «Мелком бесе» Сологуба — это был риск для Виктюка, но он в первую очередь рассчитывает на себя, он знает, как сделать так, чтобы это было интересно, как подобрать партнеров, чтобы я была на месте.

— Вы уверены, что Роман Виктюк — ваш режиссер?

— Ну, конечно. Для него нет амплуа, для него есть друзья и не друзья, люди с хорошим характером и с плохим, люди, которые много могут, и люди, которые ничего не могут. Даже если человек ничего не может, но его друг, Виктюк найдет ему применение — тот будет стоять на сцене «со свечой» долго, много и в свете. С Галиной Борисовной Волчек мне тоже интересно работать. У нее всегда в спектаклях есть такие внутренние ходы, и она так легко ими делится, раздвигает их, что в ее спектаклях очень просто находишь путь к реализации роли.

— Вероятно, играть в спектакле «Крутой маршрут» очень сложно, он так перенасыщен?

— Мне не трудно. Роль маленькая, затрачиваешься всего минуту.

— Очень люблю ваши роли в «Квартире Коломбины» Людмилы Петрушевской. Там четыре роли, как трудно даются вам эти «переключения»?

— Переключениями я вообще не занимаюсь. Это как бы игра для меня. Тяжелыми в каждой роли являются ее пик, моменты катарсиса. Конечно, в этом спектакле много внутренних затрат и физических он тяжел.

— Спектакль идет уже довольно давно, неужели не выручает техника и идет он за счет нервов?

— К сожалению, да. Очень редко, когда техника

помогает. А играть в «Мелком бесе» было наслаждение (теперь спектакль снят с репертуара). Там настолько была отработана режиссером театральная форма, что в ней можно было легко и «элегантно» существовать, не затрачиваясь. Как в джазе — держи «квадрат» и импровизируй. Если у меня есть этот «квадрат», хорошая конструкция, я могу в ней легко «плавать», «нырять», «отходить в сторону».

— Сейчас в репертуаре театра осталось всего два спектакля с вашим участием — «Квартира Коломбины» и «Крутой маршрут». Когда вы из Тюза переходили в «Современник», вы уже были достаточно известной актрисой. Вас пригласили в театр на какие-то определенные роли?

— Меня никто не приглашал. Более того, меня не

ТРАГИФАРСЫ КОЛОМБИНЫ

«Только не спрашивайте: «Что вам ближе: театр или кино!» и «Верите ли вы в Бога!», — предупредила меня перед интервью Лия Ахеджакова, обязуя не быть слишком банальным, но и дав понять интонацией, что и излишнее оригинальничанье с ней не пройдет.

хотели видеть в этом театре. Директор сказал мне, что у него таких, как я, еще шесть актрис. Я просто навязалась в театр, внедрилась с большим трудом благодаря дружбе с Валерием Фокиным. И первая роль моя была в его спектакле «Записки Лопатина» по Симонову. Заболела Любовь Ивановна Добржанская, и я ввелась на ее роль. Любовь Ивановна перед смертью из больницы мне прислала благословение. И еще завещала мне роль старухи Айседоры в «Эшелоне» Рощина. Потом заболела Антонина Павловна Богданова, она тоже мне благословение из больницы прислала, и я сыграла еще одну бабушку. Так две актрисы, сходя в гроб, завещали мне свои роли. Я тоже, когда буду помирать, какой-нибудь несчастной трагедии завещаю свою «Квартиру Коломбины»... Ну вот я все бабушек в театре играла, ничего другого для меня не было.

— Вы стремились в «Современник» в силу тогдашней моды?

— История была такова. В Тюзе у меня не оказалось ролей. А я обожала Анатолия Васильевича Эфроса. Мы с Инночкой Чуриковой с ним дружили, и он нас любил. Мы ходили на его спектакли, репетиции, он иногда после спектакля подвозил нас на машине (мы не знали, какой он плохой водитель, и спокойно садились в машину). После спектаклей звонили, говорили, что нравятся и что нет. В общем, я была его «сыриха». И в этот период Инна позвонила Анатолию Васильевичу и объяснила мою ситуацию. Он перезвонил мне и сказал, что пока он не придумает для меня дебют, Дунаев не позволит ему взять меня в Театр на Малой Бронной. И посоветовал пойти в «Современник», так как там прекрасная актерская группа. Анатолий Васильевич в моей жизни занимал огромное место. Мы выучились на его спектаклях. Он нас воспитал и выучил, но об этом не знал. Я многие годы, когда что-нибудь играла, думала: «Это ужасно. Это не понравится Анатолию Васильевичу». А работала с ним всего однажды — снялась в его телеспектакле «Таня», сыграла домработницу Дусю.

— А были ли у вас актерские эталоны? Соотносили ли вы себя с кем-то из актрис?

— Я не умею подражать. Есть свои привязанности, которые заставляют меня «рости». В юности это были Джульетта Мазина и Анна Маньяни, потом долгое время какие-то другие звезды кино, а позже моя подруга — Инна Чурикова. Какое-то время мне нравились очень работы Катя Васильевой. Во всяком случае, когда рядом с тобой живущая и работающая актриса, хорошо знакомая тебе, вдруг делает какое-то художественное открытие, это намного приятней и значительней, чем если его делает недостижимая западная звезда.

— Лия, по-моему, в классике у вас почти не было ролей. — Мирчуткина в чеховском «Юбилее», в «Дядюшкином сне» Достоевского на телевидении и в «Мелком бесе» Сологуба в театре. Видите ли вы для себя роли в классическом репертуаре?

— Конечно, вижу и всем об этом говорю. Я очень люблю Гоголя, Достоевского. «Панночка» у меня свозь пальцы пронеслась. Вся жизнь мечтала сыграть Шарлотту в «Вишневом саде». Мне кажется, и сердцем, и умом, что я знаю, как ее сыграть. У нас в театре шел «Вишневый сад», но эту роль играли другие актрисы. У меня чутье на таких людей без роду — без племени, которые должны шутить и веселиться, как клоуны, иначе общество их выталкивает. Это чутье на внутреннюю трагедию клоуна.

— Личный жизненный опыт?

— Да. Я ведь провинциалка.

— Москва ломает людей?

— Ломает. То есть в какой-то мере, конечно, не в полной, я знаю болевые точки Шарлотты. Хотя я не

без роду и племени. У меня изумительные родители, семья театральная, и театр у меня в генах. Но тем не менее в Москве я часто бывала Шарлоттой, испытывала удары, как провинциалка. Были люди, которые для меня представляли безумный интерес, но я им, такая, как я есть, была неинтересна. Они принимали меня только тогда, когда я была «занятна», играла интересность. Это и есть синдром Шарлотты...

— А вы сами видите, когда люди стараются быть интереснее?

— О-о! Еще как вижу. И тогда у меня к ним такая «понятливость», и я готова потанцевать им в этом. Синдром Шарлотты — вещь для меня близкая и, я бы сказала, скорбная.

— Пытались ли вы найти роль, найти режиссера и поставить «на себя» спектакль?

— Это бессмысленно. Кто ж на меня будет ставить? Хороший режиссер никогда никого не обслуживает, а плохой мне не нужен. У меня сейчас будет интересная работа на Одесской студии у режиссера Апасяна в фильме «Вино из одуванчиков» по Рею Брэдбери. Чувствую, что не моя роль, но мне так нравится материал, именно «Вино из одуванчиков» и именно новелла «Машина счастья», что буду работать с этим режиссером и делать все, что он скажет. Придумаем что-нибудь.

— Что вы уважаете в людях?

— Культуру, доброжелательность, простоту, кротость, если таковая имеется. Не люблю людей агрессивных ни в какую сторону. Да вообще разве знаешь, почему к человеку тянет? Он может обладать всеми качествами, которые ты уважаешь, просто быть идеальным человеком, а от него мужи дохнут.

— Что вас оскорбляет в нашей жизни?

— Ну, например, когда мужчина защищает себя, как Родину. Когда он может и словом, и делом ударить женщину только за то, что ему покажется, что она недостаточно высоко его ценит. И я в мужчинах это наблюдаю почти поголовно — совершенно неадекватное отношение к своей персоне.

— И последнее «что». Что вас тревожит сегодня?

— Тревожит так много, что это все нельзя вместить в какие-то рамки. В том аду, который происходит вокруг нас, наверное, можно разобраться, но я не могу. Например, мне кажется, замечательно, что отделяются республики, народы, разваливается империя, все ищет своей самостоятельности, независимости. Но в принципе мир должен сейчас объединяться против рака, против СПИДа, против убийств, против насилия. Я готова говорить на том языке, который мне предложат, только чтобы не умирали мальчики, не умирали бессмысленно в идиотском соревновании за то, чья нация древнее и какой народ здесь жил до пришествия Христа.

Беседу вел
Петр КУЗЬМЕНКО.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО